

ИЗРАЗЦЫ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 г. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

© 2020 г. Л.А. Беляев^{1,*}, О.Н. Глазунова^{1,**}, А.Н. Смирнов^{1,2,***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Государственный историко-литературный музей-заповедник
А.С. Пушкина, с. Большие Вяземы Московской области, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

***E-mail: fotoellada@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

При раскопках 2019 г. в стратифицированном слое Московского Кремля была собрана представительная коллекция печных изразцов, которые встречались в этой зоне с XIX в. Они дали ценные сведения для решения проблемы генезиса и хронологии московских печей, для идентификации исполнителей и заказчиков изразцов, а также для реконструкции художественной среды царского двора от эпохи Ивана Грозного до первых царей из династии Романовых. Подробно описаны белоглиняные рельефные поливные изразцы, дан общий обзор источников по вопросу о появлении их в Москве. Впервые выделен этап существования печей с ранними (1565–1580-е годы) рельефными изразцами из белой глины с глазурью, произведенных мастерами-иноземцами.

Ключевые слова: Московское царство, художественная культура, печи, изразцы, Кремль, Борис Годунов, Смутное время.

DOI: 10.31857/S086960630010954-8

В 2019 г. экспедиция ИА РАН начала раскопки в Большом сквере Московского Кремля, на месте существовавших здесь когда-то зданий Старых и Новых Приказов¹. Судя по картографическим данным XVII в., раскоп попал на место внутреннего двора Старых Приказных палат, П-образных. В ходе работ было собрано 1038 фрагментов изразцов: 12 неопределимых, 114 гладких расписных, 318 рельефных полихромных, 150 муравленных, 5 рельефных без поливы, 431 красных широкорамочных с коробчатой румпой, 3 белоглиняных с желто-коричневой поливой; ранее были найдены вместе еще 6 лицевых красных изразцов (2018 г., шурф на месте раскопа 2019 г., слой 2а). Таким образом, красные составляют 41.5% коллекции, образуя ее основу. Поскольку слой достаточно хорошо стратифицирован, красные и белоглиняные изразцы мы рассматриваем как единый комплекс в отложениях XVII в. Около 70% всех фрагментов происходят из слоя 3, который отложился в процессе жизни Старых Приказов, с конца XVI по конец третьей четверти XVII в.,

что в целом отвечает представлениям о времени бытования красных изразцов.

Развалов печей среди них нет. Но в верхней части слоя, в пятне рыжей глины, перекрытом фундаментом внутренней стены приказных палат 1670-х годов, встречено непереотложенное скопление обломков изразцов, включающее все части печного набора: фрагменты одинаковых городков (5 экз.), лицевые изразцы (1 – с изображением двуглавого орла, 6 – с орнаментальными композициями), обломок фриза, перемишки (7 экз.: 1 – горизонтальная с изображением гирлянды из пальметт; 6 – с рисунком из кринов и остроугольных элементов, выполненных в трехжгутовой технике; их можно использовать вертикально и горизонтально).

Фрагменты изразцов встречались по всей толще слоя и на всей вскрываемой поверхности. Многие из них имеют следы характерной истертости, говорящие о продолжительном пребывании под ногами пешеходов. Видимо, большая часть найденных изразцов попала в слой при ремонтах, замене печной облицовки, разборке печей, находившихся, скорее всего, именно в зданиях Приказов.

¹ Статью Н.А. Макарова, В.Ю. Коваля, Р.Н. Модина и К.И. Панченко, посвященную результатам раскопок 2019 г. в Кремле, см. выше в этом же номере журнала.

Незначительная часть изразцов носит следы огня. Возможно, они попали в слой после пожара 1626 г., когда “в приказах всякия дела погореша...” (Полное собрание русских летописей, 1968. С. 160).

В углистой прослойке 2а, отмечавшей финал существования Старых Приказов, найдены обломки двух лицевых изразцов (с изображением единорогов у Древа, со следами обгорания в открытом огне и с изображением коня или единорога) и перемычки с изображением крестоцветной розетки. К той же прослойке относится локальное скопление изразцов (из шурфа 2018 г.), перекрытое полами новых палат. Поверхность ряда изразцов сохранила почти сплошную побелку, что говорит о быстрой и однократной археологизации.

В слое, соотносимом с жизнью находившихся здесь с 1670-х годов зданий Новых Приказов, изразцы “готических” печей еще встречаются, хотя и в значительно меньшем количестве (к тому времени они полностью вышли из употребления). Практически все они происходят из внутренней части приказных помещений и, возможно, попали сюда при настилке полов, с подсыпкой. Между фрагментами из слоев, соотносимых со Старыми и Новыми Приказами, не прослежено значимых различий ни в технологии, ни в особенностях стиля резьбы матриц, но сюжеты отличаются: некоторые есть в обоих слоях, другие встречены только в слоях бытования и разрушения Старых Приказов. Так, фризовые изразцы с “пальметтами” наиболее многочисленны в более позднем слое, остальные варианты попали только в ранний слой (это важно, так как фрагментов фризов много, а их варианты немногочисленны).

У лицевых изразцов сюжет “двуглавый орел” представлен в трех вариантах. Два взяты из слоя Старых Приказов и относительно редки (включая аналогичный изразцу из Тушинского лагеря, датирующийся около 1608 г. или несколько ранее, учитывая возможную связь с печами гоудуновского времени из Борисова Городка (Янишевский, 2012) и дворца в Вяземах (Смирнов, 2015). Зато фрагмент изразца “малой руки” из слоя Новых Приказов – один из наиболее распространенных вариантов сюжета (обнаружен среди полуистлевших деревянных полов приказного помещения, сооружения начала XVIII в.).

Все сюжеты с батальными сценами происходят из раннего слоя, так же как изображения

животных (кроме сюжета “птицы у Древа”, фрагмент которого многократно переотложен и сильно потерт). Из двух вариантов изображения Древа один происходит из раннего слоя, другой – из позднего (он выполнен контурными линиями). Большинство орнаментальных композиций происходит из слоя Старых Приказов, лишь три варианта рисунков из семнадцати встречены и в раннем, и в позднем слоях. Это касается и перемычек: только четыре варианта из четырнадцати найдены в обоих слоях.

В свое время изучение красных изразцов Романова двора выявило распределение их рисунков по времени: орнаментальные композиции принадлежали к самым ранним, единичные примеры батальных сцен – к первой трети XVII в., а изображения различных существ – к его второй трети (Мирясова, 2009. С. 129). В коллекции 2019 г. такого соотношения не отмечаем, но подчеркнем, что в слое 2 изразцы представлены только самыми распространенными сюжетами (видимо, это массовая продукция).

Сопоставив комплекс 2019 г. из Кремля с другими изразцами из стратифицированных слоев (прежде всего, полученными в 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре), мы получили возможность заново рассмотреть проблемы ранней хронологии и генезиса московского изразца. Базовыми при этом стали не одна, а две наиболее ранние группы изразцов: 1) белоглиняные с поливой; 2) красные. Они типологически родственны: рельефные, широкоформатные, с коробчатой румпой. По количеству группы несопоставимы: находки белоглиняных единичны, фрагменты красных считаются сотнями. Однако анализ показал особую важность именно белоглиняных, отличающихся художественным и технологическим уровнем и ранней хронологией. На них мы и сосредоточим внимание в данной статье, отложив разбор группы красных изразцов для отдельного исследования.

Белоглиняные изразцы представлены тремя видами: лицевой изразец, городок и перемычка; мелких фрагментов в слое нет. От красных их резко отличает, однако, исходный материал (беложгущаяся глина), покрытие прозрачной желто-коричневой глазурью, а также стиль и уровень исполнения орнамента.

Лицевой изразец (№ 1000, слой Старых Приказов) (рис. 1, 1) квадратной формы (18,5 × 18,5 см); на тыльной стороне следы сажи; румпа коробчатая (на трех сохранившихся сторонах по центру,

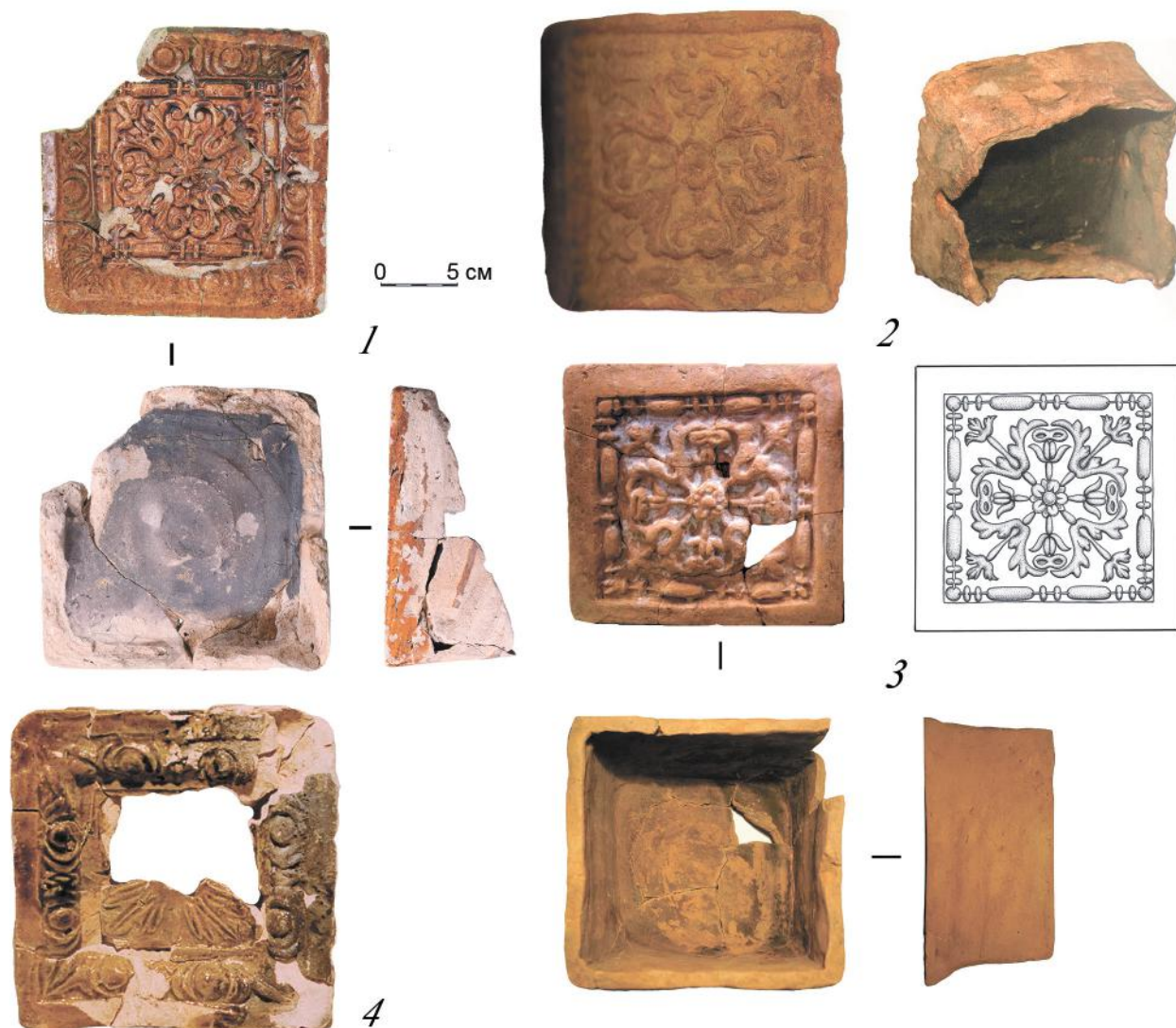

Рис. 1. Лицевые изразцы из раскопок: 1 – в Кремле 2019 г.; 2 – в Гончарной слободе 1940-х годов (по: Баранова, 2011. С. 83; © Московский государственный объединенный музей-заповедник, 2020); 3 – в Новодевичьем монастыре 2017 г.; 4 – великокняжеского дворца в Кремле (по: Евдокимов и др., 2016. Рис. 3) (1, 4 – из белогжущейся глины; 2, 3 – из красножущейся глины).

Fig. 1. Panel tiles

вплотную к лицевой пластине, выполнены аккуратные квадратные отверстия размерами 1.8×1.8 см). Лицевая пластина сформована на гончарном круге методом ленточного на-лепа. Композиция центрально-симметричная растительная: в рамку из “бус” заключена восьмилепестковая крестообразная розетка, образованная пышными лепестками цветка с волютообразными краями и трехчастными “кринами”. Этот внутренний квадрат обрамлен высокими, скошенными (как у ячейки кессонного потолка) краями, которые в свою очередь украшены иониками с овами (по два на каждой стороне изразца) и ростками с листьями в углах. Мотивы декора абсолютно

классические, довольно грамотно исполнены и типичны для орнаментики европейского Ренессанса и раннего барокко.

К настоящему времени накопился ряд аналогов изразцу, исполненных в той же технике. В Кремле это фрагмент рамы, найденный при раскопках на Подоле Кремля (2007 г. № 898), и почти целый изразец из серии великокняжеского дворца (1997 г.; Евдокимов и др., 2016. С. 90. Рис. 3, верхний ряд, тип 2Б) (рис. 1, 4). Серия дала изделия двух размеров: “малой руки” (15.0×15.0) и “большой руки” (20.0×20.0 см); наш изразец ближе к последним, но говорить о совпадении нельзя (разница составляет

1.5 см). Есть и важное отличие в изготовлении: для лицевой пластины пласт глины раскатывали (как обычно делали и в Европе), а не вытягивали методом ленточного налета (благодарим Г.С. Евдокимова, Е.И. Рузаеву и А.В. Яганова за консультации по материалам дворца). Крупные фрагменты аналогичных, по-видимому, изразцов есть в Александровой слободе (Фролов, 2009а. С. 61. Рис. 53, № 14/08; Фролов 2009б. С. 83. Рис. 95, 96, № 63/09, 68/09), где их сложно связать с каким-либо временем, кроме эпохи Ивана Грозного.

Тип изразца с приподнятой рамкой, переходный от горшкового к уплощенному лицевому, обычно украшенный розеткой, широко распространен в Западной Европе конца XVI – первой половины XVII в. и встречается от Швейцарии до верхнего Рейна, от Боденского озера до Моравии, Венгрии (Leib, 2013. Р. 124) и Литвы, как, например, экземпляр из Вильнюса (Vilniaus, 2015. Kat. 9.-409) близкого нашему размеру: 18.5 × 18.3 см (подробнее об этой общности мы здесь говорить не будем).

Для понимания ситуации чрезвычайно важны прямые дериваты кремлевского изразца (упрощенные, но абсолютно узнаваемые) среди красных широкорамочных изразцов Москвы. Они известны давно: подобный был найден в Гончарной слободе еще в 1940-х годах (Баранова, 2011. С. 83, нижний рисунок) (рис. 1, 2), а в 2017 г. в Новодевичьем монастыре такой изразец (близкого размера: 18.0 × 18.0 см) появился в стратифицированном контексте (о контексте: Беляев и др., 2019) (рис. 1, 3). Отметим, что румпы всех изделий коробчатые; в румпе изразца из Гончарной слободы на двух сторонах по оси проделаны аккуратные круглые отверстия; румпа изразца из Новодевичьего монастыря сплошная.

К серии дериватов можно отнести и глиняный изразцовый штамп, найденный в 1940-х годах при раскопках Гончарной слободы. Рисунок его весьма похож на кремлевский. Та же восьмилепестковая крестообразная розетка, образованная пышными лепестками цветка с волютообразными краями. М.Г. Рабинович пишет, что “по характеру рельефа не глубокого и не резкого, а также по орнаменту с волютами можно думать, что этот штамп... служил для изразцов, предназначенных под поливу” (Рабинович, 1947. С. 65).

Городок (№ 1044 из слоя Старых Приказов, сильно обломан, ширина основания 8.0 см)

украшен кругом в концентрических рамках из капелек и жгута (рис. 2, 1). У аналогов в центре – круг с лепестками; рамка без жгутового заполнения; завершение четырехступенчатое, размер основания близок 8.0–9.0 см (Евдокимов и др., 2016. С. 91. Рис. 4; Фролов, 2009б. С. 81. Рис. 93, № 60/09) (рис. 2, 2, 3). Близкие по размерам красноглиняные городки (ширина основания 9.0 см) найдены на Подоле Кремля в 2007 г. (№ 33, 180, 853, 985) (рис. 2, 4, 5) и возле Грановитой палаты (рис. 2, 6, 7, 10); другие московские аналоги украшены близким рисунком (Баранова, 2011. С. 84; Розенфельдт, 1968. Табл. 22, № 15), но гораздо крупнее (ширина основания 12.0 см) (рис. 2, 8, 9).

Перемычка (№ 39, отвал) жгутовая, полностью аналогичные ей известны в Кремле (Тайницкий сад, 2007 г., № 100, 253, 294).

Итак, собранные в 2019 г. белоглиняные изразцы с желто-коричневой поливой близки к комплексу великокняжеского дворца, но имеют ряд отличий в рисунке и, главное, в размерах. Видимо, они принадлежали разным печам (к одной из них должны относиться единичные обломки, попавшие в слой на Подоле Кремля).

В великокняжеском дворце были найдены также *красноглиняные изразцы*, аналогичные белоглиняным по форме и размерам румп, схожие (но не тождественные) по рисунку. Особый интерес представляет значительное количество вариаций изразцовых рамок в этом комплексе, как сильно выступающих под углом (близко к нашему изразцу), так и прямых, как у типовых красных широкорамочных изразцов. Эта вариативность может говорить о неустойчивом, “экспериментальном” характере производства. Наличие красноглиняных аналогов как в самом комплексе великокняжеского дворца, так и среди красных широкорамочных изразцов из других комплексов Москвы, возможно, говорит о начавшемся переходе от более сложных и дорогих белоглиняных поливных к красным, о привлечении к работам иноземных мастеров их русских учеников, о выходе на более широкий рынок.

Говорящей технологической деталью служит и румпа, вернее – отверстия в ней. У изразца 2019 г. они квадратные, причем проделаны, видимо, во всех четырех стенках. Квадратные отверстия характерны и для серии из Александровой слободы, где они встречены и у городков,

Рис. 2. Горodки из раскопок: 1 – в Кремле 2019 г.; 2 – великокняжеского дворца в Кремле (по: Евдокимов и др., 2016. Рис. 4); 3 – Александровой слободы (по: Фролов, 2009. № 60/09); 4, 5 – в Тайницком саду Кремля 2007 г.; 6, 7, 10 – у Грановитой палаты 2010 г.; 8 – в Москве (по: Баранова, 2011. С. 84; © Московский государственный объединенный музей-заповедник, 2020); 9 – в Трехсвятительском переулке (по: Векслер, 2004, № 276) (1–3, 5 – из беложгущейся глины; 4, 6–10 – из красножгущейся глины).

Fig. 2. Crown of the stove tiles

и даже у некоторых перемычек. У румпы из Гончарной слободы отверстий осталось только два, и они приобрели круглую форму. На красных изразцах печей Новодевичьего монастыря отверстий вообще нет — их перестали воспроизводить, так как для крепления изразцов в печи они не были нужны.

Сравнение элементов композиции показывает, что экземпляр из Гончарной слободы делали непосредственно с такого изразца, как кремлевский 2019 г., или оба восходят к одному прототипу, рисунку и т.п. На изразцах же Новодевичьего монастыря детали уже сильно упрощены, они теряют сочность и рельефность: мастер Гончарной слободы точно воспроизвел завернутые края пышных лепестков, но на изделии из Новодевичьего монастыря мы видим не очень понятные петельки.

Все это дает нам основания для построения типологии и относительной хронологии. Но для появления абсолютных дат нужен историографический контекст. Вопрос о времени появления в Москве первых изразцовых печей обсуждается в литературе более столетия. С его решением напрямую связана и проблема их происхождения. В дореволюционной историографии датой их появления предполагали XVI в. А.В. Филиппов (1937), М.Г. Рабинович (1947) и некоторые архитекторы-реставраторы (И.И. Казакевич, 1977) писали о второй половине этого столетия. Есть и другая точка зрения: Н.А. Бакланова (опираясь исключительно на письменные источники) и Р.Л. Розенфельд полагали, что первые печи появились в начале XVII в. Исследователи великокняжеского дворца соотносили его ранние изразцы с сообщениями письменных источников, называющих годы строительства печей в хоромы: 1615/16 и 1624 гг.

В специальной статье, посвященной разбору хронологии, С.И. Баранова высказала верную идею дискретных, не связанных друг с другом и не образующих единой линии развития случаев знакомства Москвы с архитектурной терракотой, восходящих еще к концу XV в. Появление таких “одноразовых”, не имевших продолжения импульсов, порождавших первые изразцовые печи, соотносимо со временем от строительства в Александровой слободе при Грозном до времени преодоления последствий Смуты (Баранова, 2008).

Нам представляется, что все авторы по-своему правы: первые серии изразцов восходят ко второй половине 1560 — началу 1580-х годов,

к оформлению Александровой слободы как “временной столицы” Московского царства. Кроме приведенных С.И. Барановой примеров очень архаичных по орнаменту (производному от готического) и по форме румп изразцов с зеленой поливой (Баранова, 2008. С. 390—391. Рис. 23, 24) укажем, что серии постоянно находимых в Слободе изразцов типологически и технологически очень близки кремлевским находкам. Особенно важна серия городков, лицевых изразцов и перемычек из раскопок М.В. Фролова (2000—2009 гг.), среди которых есть и вполне уникальные для наших коллекций, ожидающие отдельного исследования. Напомним, что примерно в это же время появляются фасадные глазурованные иконные композиции в Старице и декор шатров Покровского собора на Красной площади. В Кремле мы, видимо, наблюдаем тот же ранний этап.

Мастера первых изразцовых печей пользовались в основном (если не исключительно) белой глиной, использовали своеобразную прозрачную глазурь и классическую европейскую орнаментику, которой уверенно владели. Такие печи были редки и украшали самые статусные государственные постройки. Допустимо думать, что мастера, их сделавшие, входили в число привлеченных на службу иноземцев и/или пленных ливонцев, о жизни и трудах которых в Московии мы знаем очень мало.

Неполивные красные изразцы, видимо, появились позже поливных белоглиняных. Они получили более широкое распространение, так как были несравненно дешевле и проще в производстве. Сохраняя типологическое сходство и в некоторых случаях прямо копируя орнаментику, они теряют изначальную сложность, а их авторы не владеют классическим репертуаром, что очень хорошо видно при сравнении изразцов из Новодевичьего монастыря и из раскопок 2019 г. в Кремле. В то же время именно на красных изразцах появляется множество сюжетов, не представленных в белоглиняных; их генезис остается пока неясным.

Обратимся к письменным источникам, чтобы проверить, насколько их данные соотносятся с предлагаемой хронологией. Прицельно собиравшая сведения письменных источников об обстановке московских приказов Н.А. Бакланова полагала, что изразцовые печи в зданиях приказов появились “с конца царствования Михаила Федоровича (октябрь 1644 г.)”.

Исключение, писала она, составляет Посольский приказ, где в 1627 г. были сделаны «“печь мурамленая” и “печь обрасчатая”» (Бакланова, 1926. С. 68). Позднее М.В. Фролов указал, что в 1629 г. изразцовую печь, охарактеризованную как “старая”, чинил в Посольском приказе печник Петров Ондрейка (РГАДА, Ф. 137, Боярские и городовые книги, оп. 1, Посольский приказ, № 1-а, л. 13 об.; цит. по: Фролов, 1991. С. 39. № 176).

Есть и другие упоминания изразцовых печей ранее 1644 г. В 1641 г. печь белая изразцовая была поставлена в Приказе сбора ратных людей, где гончар Матынов Баженко сделал две печи: в передней избе печь гладкую с кирпичной трубой, а в комнате — “печь обрасчатую с шатром, труба кирпичная” (дано за кирпич, за глину, за изразцы, за известь 13 руб. (см.: РГАДА, Ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 2, 1639 г., № 87, л. 128; цит. по: Фролов, 1991. С. 34. № 137). Ранее в этом приказе фиксируются и гладкие кирпичные печи (в приказной избе их ставит в 1639 г. печник Иванов Баженко: Фролов, 1991. С. 22. № 63), и “сырчатые” (в 1640 г. каменщик Каменной слободы Иванов Мишка чинит две печи “сырчатых”, в передней избе и в комнате; см.: Фролов, 1991. С. 24, 76). Записи, сделанные вскоре после 1644 г., говорят о починке по крайней мере одной изразцовой печи: в 1646 г. Zubok Самойлов Васька чинил в Приказе сбора ратных людей печь изразцовую белую (“от починки за дело и за глину и за образцы 13 алт. 2 ден.”; РГАДА, Ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 2, 1639 г., № 87, л. 109, 115; цит. по: Фролов, 1991. С. 21. № 60); вторую печь он чинил, возможно, кирпичную, так как получил всего “за дело и за глину 23 алт. 2 ден.”. В записи за 1647 г. мы снова встречаем изразцы: печник Лом Иванов Осип (Оська) получил “от починки за глину и за кирпич и за образцовые веревки и от трубы до починки и от беленья 13 алт. 2 ден.” (РГАДА, Ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 2, 1639 г., № 87, л. 1; цит. по: Фролов, 1991. С. 31, 32. № 126). Скорее всего, речь идет об одних и тех же печах, так как помещения приказов не были большими. Таким образом, с конца 1620 — начала 1640-х годов мы видим серию записей сначала о строительстве, а затем о ремонтах изразцовых печей — возможно, тех же самых.

Мы полагаем, что печи изразцовые, “белые” и “сырчатые”, — это печи с красными

изразцами, побеленные или с нанесенным до обжига ангобом (глазурованные изразцы белить бессмысленно); большинство найденных при раскопках красных широкорамочных изразцов сохранили отчетливые следы побелки (на части видны даже остатки слюды, добавляемой для блеска).

Но в документах просматривается еще один этап строительства изразцовых печей в Москве — это первые годы после Смуты. В расходной книге денежной казны 1613 г. Казенного приказа (его строения находились неподалеку от Иноземного) сказано: “июля в 31 день.... Пешником Демке Дееву да Баженку Олферьеву от печи от образцовой, от дела и за приклад, полтора рубля, да от другой от печи от белой же, за обрасцы и за кирпич и за глину и за дело, рубль 28 алтын, и того 3 р. и 11 ал. 2 д. Делали одну в казенной палате, а другую въ скорняшной избѣ” (Русская..., 1884. Стб. 4; см. также: Фролов, 1991. С. 18. № 45). В расходной книге денежной казны Нижегородской чети за 1615 г. печнику Баженко (видимо, тот же Олферьев, который делал печь в Казенном приказе) было дано “от печи от вымаски и за веревки, что вставлял вновь, и за кирпич и за глину 13 алт., 2 ден.” (Русская..., 1912. Стб. 260; см.: Фролов, 1991. С. 37. № 161).

“Веревки образцовые”, упомянутые в текстах, мы не склонны считать проволокой, которой скрепляли изразцы в облицовке, как думал М.В. Фролов (1991. С. 67). В начале XVII в. такой метод крепления не применялся, и для изразцов с коробчатой румпой, не имеющих отверстий, это невозможно. Стоит предположить, что так называли изразцовые перемычки, в то время в основном витые и действительно напоминавшие веревки, проложенные между рядами изразцов (так, как прокладывают жгутами пеньки деревянный сруб).

Согласно приведенным М.В. Фроловым сведениям о делании печей на Патриаршем дворе и в Поместном приказе, в первом случае печнику платят отдельно за покупку изразцов к печи и отдельно “за белую глину, чем белить печи, три алт., две ден., да на слюду восемь денег” (Фролов, 1991. С. 22. № 65). В двух других указано, кто делал саму печь и отдельно — кто делал изразцы к той же печи (Фролов, 1991. С. 20. № 54; С. 39. № 174). То есть печник сам изразцов не делал, но поставлял их, клал кирпичное тело, облицовывал печь и затем белил.

Во всех этих случаях речь постоянно идет о побелке, следовательно, все или почти все упомянутые после 1613 г. изразцовые печи красные. Это печи второго этапа. Вероятно, их появление синхронно разрушению и выпадению в слои изразцов раннего этапа, белоглиняных поливных.

Видимо, к этим постройкам Приказов, сменным в конце XVII в. новыми, принадлежали красные изразцы, которые собирали в зоне Приказов уже в 1895 г., при строительстве памятника Александру II. Оттуда их передали в Исторический музей (“196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов”; эти красные изразцы, по общепринятому мнению, относились к зданиям Старых Приказов и были тогда же опубликованы Н.В. Султановым (1895; 1898, Стб. 561–748; Отчет Императорского..., 1916. С. 8; исследование коллекции 1895 г. ведется, см.: Баранова, 2015. С. 524–548). В коллекциях 1895 г. и 2019 г. три изразца совпадают по типу и сюжету: войско в походе (Султанов, 1895. № 25), лицевой с пальметтами (Султанов, 1895. № 38) и фриз с пальметтами (Султанов, 1895. № 41), но других аналогов не обнаружено. На вид это оттиски с тех же форм, что и у изразцов, собранных в 2019 г.

Но вряд ли печи 1610-х годов были первыми в Москве, сложенными из красных изразцов. Таковыми считали до сих пор печи Тушинского лагеря, “альтернативного двора” Лжедмитрия II, которые вошли в оборот в начале XX в. и коллекция изразцов которых опубликована недавно (Двуреченский, 2018). Высказывалось предположение, что эти печи сложены изразцами, привезенными из разоренного Борисова городка, где находят перемишки, но не лицевые изразцы, и/или из усадьбы Годунова в Вяземах (Янишевский, 2012; Смирнов, 2015). Впрочем, допустимо думать, что Политковский просто взял в коллекцию в основном лицевые изразцы Тушинского лагеря. К ранним сериям красных изразцов отнесла свои находки в Старом Английском дворе И.И. Казакевич (1977). Хронологической глубины сюжету добавляет то, что красные изразцы Новодевичьего монастыря отложились в слой разрушения богатой кельи-усадьбы. Ясно, что ее соорудили раньше, не позднее первого десятилетия XVII в. В этом отношении интересна тесная связь жизни монастыря в конце XVI – начале XVII в. с царской семьей:

вдовой царя Федора Алексеевича, Ириной, и ее братом, царем Борисом Годуновым.

Эти сюжеты важны для нас, так как обозначают зарождение нового вида декора – терракотового. Он появился, как неоднократно предполагали наши предшественники, в 1590-х годах. Но, вероятно, не был первым, а пришел на смену белоглиняным поливным изразцам. Терракотовые печи станут несравненно более доступным украшением парадных помещений, а потому и более массовым, отвечающим местному вкусу. Именно такие печи будут удовлетворять и потребность в визуальной информации, служа своего рода “керамическим лубком”. Коллекция красных изразцов Кремля, конечно, заслуживает отдельного и подробного рассмотрения.

Что же касается белоглиняных поливных печей с растительной орнаментикой ренессансного типа, то их немногочисленные образчики, простояв несколько десятилетий, исчезли в перипетиях Смуты и особенно во время перестроек 1610–1620-х годов. Напоминанием о них станут некоторые архитектурные сюжеты, перешедшие на красные печи в упрощенном виде: их будут повторять, ориентируясь на оставленные мастерами-иноземцами эталоны, местные ремесленники. Затем изгладятся и эти следы первого изразцового эпизода, стерты новыми мощными импульсами середины XVII в., имевшими, однако, тот же резервуар – производство Центральной и Западной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды ГИМ. Вып. III. Разряд общий исторический. М.: ГИМ, 1926. С. 53–100.
- Баранова С.И. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л.А. Беляева / Ред. А.Л. Баталов. М.: ИА РАН, 2008. С. 374–393.
- Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.
- Баранова С.И. К истории первых находок русских изразцов в Московском Кремле // Образ христианского храма: сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова / Ред. Л.А. Беляев. М.: Арткитчен, 2015. С. 524–548.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // РА. 2019. № 4. С. 192–207.

- Векслер А.Г.* О предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Большой Трехсвятительский пер, 1-3, стр. 1 в 2003 г., М., 2004 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23583.
- Двуреченский О.В.* Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.
- Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В.* Комплекс печных изразцов, обнаруженных при исследованиях великокняжеского дворца в Московском Кремле в 1997 г. // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья / Ред. Л.А. Беляев. М.: Коллектор, 2016. С. 88–91.
- Казакевич И.И.* Московское Зарядье. М.: Искусство, 1977. 207 с.
- Мирасова А.А.* Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 120–130.
- Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве в 1883–1908 годы. М., 1916. 208 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.
- Рабинович М.Г.* Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (МИА; № 7). С. 55–77.
- Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968 (САИ; вып. Е1-39). 124 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 9. СПб., 1884. 668 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 28. М., 1912. 520 с.
- Смирнов А.Н.* Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б.Ф. Годунова в селе Вяземы // Археология Подмосковья. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 526–536.
- Султанов Н.В.* Древне-русские красные изразцы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонова, 1895. 22 с. (Оттиск из “Археологических известий и заметок”. 1894 г., № 12).
- Султанов Н.В.* Памятник императору Александру II в Московском Кремле // Строитель. № 15-18. 1898. Стб. 561–748.
- Филиппов А.В.* Древнерусские изразцы. Вып. 1. XV–XVII вв. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1937. 55 с.
- Фролов М.В.* Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М.: Спецпроектреставрация, 1991. 71 с.
- Фролов М.В.* Отчет об археологических исследованиях 2008 г. на территории музея-заповедника Александрова слобода в г. Александрове Владимирской обл. М., 2009а // Архив ИА РАН. Р-1. № 43792.
- Фролов М.В.* Отчет об археологических исследованиях 2009 г. на территории музея-заповедника Александрова слобода в г. Александрове Владимирской обл. М., 2009б // Архив ИА РАН. Р-1. № 37505.
- Янишевский Б.Е.* Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Археология Подмосковья. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 229–246.
- Leib Sarah.* Ofenkeramiken aus dem Vorarlberg Museum // Museums verein Jahrbuch. Vorarlberg: Vorarlberger Landesmuseumsverein, 2013. P. 120–138.
- Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuje. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2015. 406 p.

STOVE TILES OF THE LATE 16th – THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY BASED ON THE 2019 EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN

Leonid A. Belyaev^{1,*}, Olga N. Glazunova^{1,**}, Alexey N. Smirnov^{1,2,***}

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*A.S. Pushkin State Historical and Literary Museum-Reserve
Bolshie Vyazyomy, Moscow Region, Russia*

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

***E-mail: fotoellada@rambler.ru

During the 2019 excavations in the stratified layer of the Moscow Kremlin, a representative collection of stove tiles was gathered. Such tiles have been found in this area since the 19th century. They

provided valuable information for solving the problem of the origin and chronology of Moscow stoves, for identifying the manufacturers and consumers of stove tiles, and for reconstructing the artistic environment of the royal court from the time of Ivan the Terrible to the first Romanov tsars. Glazed relief white clay tiles are described in detail, the paper gives a general overview of sources on their appearance in Moscow. The authors are the first to identify the stage of functioning stoves with early (1565–1580s) glazed relief white clay tiles produced by foreign masters.

Keywords: Moscow state, art culture, stoves, stove tiles, the Kremlin, Boris Godunov, the Time of Troubles.

REFERENCES

- Baklanova N.A.*, 1926. Furnishings of Moscow Pri-kazy in the 17th century. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum]*, III. *Razryad obshchiy istoricheskiy [The section of general history]*. Moscow: GIM, pp. 53–100. (In Russ.)
- Baranova S.I.*, 2008. New data on early types of Moscow ceramic decoration. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury. K 60-letiyu L.A. Belyayeva [Moscow Rus. Issues of archaeology and the history of architecture. To the 60th anniversary of L.A. Belyaev]*. A.L. Batalov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 374–393. (In Russ.)
- Baranova S.I.*, 2011. Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitelya [Russian tiles. Notes of a museum keeper]. Moscow: MGOMZ. 432 p.
- Baranova S.I.*, 2015. On the history of the first finds of Russian tiles in the Moscow Kremlin. *Obraz khristianskogo khrama: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiyu A.L. Batalova [The image of the Christian temple: Collected articles on the art of Rus to the 60th anniversary of A.L. Batalov]*. L.A. Belyayev, ed. Moscow: Artkitchen, pp. 524–548. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Glazunova O.N., Grigoryan S.B., Elkina I.I., Shulyayev S.G.*, 2019. Archaeology of the Novodevichy Convent in Moscow: preliminary results. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 192–207. (In Russ.)
- Dvurechenskiy O.V.*, 2018. Tushinskiy lager' (Publikatsiya kolektzii V.A. Poltkovskogo iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [The Tushino camp (Publication of the V.A. Poltkovsky's collection from the funds of the State Historical Museum)]. Moscow: IA RAN. 196 p.
- Evdokimov G.S., Ruzayeva E.I., Yaganov A.V.*, 2016. A complex of stove tiles found during 1997 research activities in the Grand Ducal Palace in the Moscow Kremlin. *Keramicheskiye stroitel'nyye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya [Ceramic construction materials in Russia: the technology and art of the late Middle Ages]*. L.A. Belyayev, ed. Moscow: Kollektor, pp. 88–91. (In Russ.)
- Filippov A.V.*, 1937. Drevnerusskiye izraztsy [Tiles of Rus], 1. XV–XVII vv. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury. 55 p.
- Frolov M.V.* Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 2008 g. na territorii muzeya-zapovednika Aleksandrova sloboda v g. Aleksandrove Vladimirskoy obl. Moskva, 2009a [Report on 2008 archaeological research in the Aleksandrova Sloboda Museum-Reserve in the city of Aleksandrov, Vladimir Region. Moscow, 2009a]. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 43792.
- Frolov M.V.* Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 2009 g. na territorii muzeya-zapovednika Aleksandrova sloboda v g. Aleksandrove Vladimirskoy obl. Moskva, 2009b [Report on 2009 archaeological research in the Aleksandrova Sloboda Museum-Reserve in the city of Aleksandrov, Vladimir Region. Moscow, 2009b]. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 37505.
- Frolov M.V.*, 1991. Mastera-izrazetchniki Moskvy XVII – nachala XVIII v. [Moscow tile-makers of the 17th – early 18th century]. Moscow: Spetsproyektrestavratsiya. 71 p.
- Kazakevich I.I.*, 1977. Moskovskoye Zaryad'ye [Moscow Zaryadye]. Moscow: Iskusstvo. 207 p.
- Leib Sarah*, 2013. Ofenkeramiken aus dem Vorarlberg Museum. *Museums verein Jahrbuch. Vorarlberg: Vorarlberger Landesmuseumsverein*, pp. 120–138.
- Miryasova A.A.*, 2009. Red-clay tiles from the Romanov Dvor. *Arkheologiya Romanova dvora. Predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vv. [Archaeology of the Romanov Dvor. Early beginnings and history of the centre of Moscow in the 12th–19th centuries]*. L.A. Belyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 120–130. (In Russ.)
- Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве в 1883–1908 году [Report of the Emperor Alexander III Imperial Russian Historical Museum in Moscow for 1883–1908]. Moscow, 1916. 208 p.
- Rabinovich M.G.*, 1947. Potters' quarter in Moscow of the 16th–18th centuries. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and research on the*

- archaeology of Moscow*], 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 55–77. (MIA, 7). (In Russ.)
- Rozenfel'dt R.L., 1968. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic production of the 12th–18th centuries]. Moscow: Nauka. 124 p. (SAI, E1-39).
- Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Russian historical library published by the Archaeographic Commission], 9. St.Petersburg, 1884. 668 p.
- Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Russian historical library published by the Archaeographic Commission], 28. Moscow, 1912. 520 p.
- Smirnov A.N., 2015. Stove tiles from the excavations at Boris Godunov's palace complex in the settlement of Vyazyomy. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archaeology of Moscow vicinity], 11. Moscow: IA RAN, pp. 526–536. (In Russ.)
- Sultanov N.V., 1895. Drevne-russkiye krasnyye izraztsy [Red tiles of Rus]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamonova. 22 p.
- Sultanov N.V., 1898. The monument to Emperor Alexander II in the Moscow Kremlin. *Stroitel'* [Civil engineer], 15-18, col. 561–748. (In Russ.)
- Veksler A.G. O predproyektnykh okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh, svyazannykh s rekonstruktsiyey i kapital'nym remontom zdaniya s ustroystvom podzemnoy stoyanki po adresu: g. Moskva, Bol'shoy Trekhsvyatitel'skiy per., 1-3, str. 1 v 2003 g., M., 2004 [Salvage archaeological research related to the development project for the reconstruction and overhaul of the structure with underground parking at the address: Moscow, Bolshoy Trekhsvyatitelsky pereulok, 1-3, building 1, in 2003. Moscow, 2004]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 23583. (Unpublished).
- Vilniaus kokliai XV–XVII amziuje. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2015. 406 p.
- Yanishevskiy B.E., 2012. Excavations at Borisov Gorodok in 2009. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archaeology of Moscow vicinity], 8. Moscow: IA RAN, pp. 229–246. (In Russ.)